

УДАЧНЫЙ ФОТОСЕТ

Потусторонняя история Анны

АНАСТАСИЯ ЛАДАНАУСКЕНЕ

18+

Анастасия Ладанаускене

УДАЧНЫЙ ФОТОСЕТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65048691

SelfPub; 2023

Аннотация

В очередном заказе не было ничего сложного – стандартная свадьба с банкетом. Согласившись подменить заболевшую подругу, я не знала, насколько круто повернётся моя жизнь. Горько-сладкая история с терпким и светлым послевкусием.

Содержание

1	5
2	8
3	15
4	20
5	27

Анастасия Ладанаускене

Удачный фотосет

Посвящается раненым душам

1

Вчера я разучилась улыбаться. Кажется, навсегда.

Когда Вероника позвонила и попросила подменить заболевшую Лену, сердце ёкнуло. Но причин для беспокойства я, как ни искала, не нашла. Обычный заказ – свадьба. Со стандартным маршрутом по всем достопримечательностям города и съёмкой банкета.

День работы, за который щедро платили.

Вот только я не ожидала увидеть в качестве жениха своего парня.

Первой мыслью было бросить всё и уйти. Но наша студия никогда не подводила клиентов. Семь лет назад мы, три подруги, выбрали слоганом простой девиз: «Сохраним ваши лучшие моменты!» Банально, знаю. Но именно следуя ему, мы стали лучшими в городе, заработав безупречную репутацию, и я не имела права её запятнать.

Но чего мне стоило вести себя как ни в чём не бывало и просить у гостей «Улыбочку!». Мне, у которой с детства все

чувства на лице написаны.

Снимать искрящуюся счастьем невесту среди ветвей цветущей сирени. А потом его, прячущего свои глаза от моих, но смело позирующего в камеру.

В какой-то момент я отключилась и смотрела на всё со стороны. На заказанный лимузин, праздничные платья, причёски, щедро политые лаком, на волнение и крики гостей... Работала на автопилоте, выхватывая удачные кадры. Букет в руках невесты. Пафосная работница загса с тремя подбородками. Тонкие пальцы. Кольцо. Второе кольцо. Росписи. Поздравления родных. Мать и отец Кирилла, с которыми он меня так и не познакомил. Её родители, сдержанные, скупые на эмоции. Дождь из риса и мелких монеток. Блики солнца на фате. Шлейф пышного платья на асфальте.

Когда мы перешли к обязательным постановочным кадрам, я не узнала свой голос. Холодный, безжизненный, чужой.

Смотреть, как молодожёны целуются, выбирать для них выгодный ракурс было мукой. Меня будто проворачивали на вертеле над жарким огнём. С пеной шампанского, разливаемого по бокалам, растворялась моя жизнь.

Процессия из двенадцати машин объехала все положенные достопримечательности. Программа закончилась традиционно – Мостом влюблённых, где молодые нацепили обязательный замочек с именами и выбросили ключ в воду. Интересно, знали ли они, что раз в два года все навесные украшения срезают, чтобы освободить место для обетов новых брачующихся?

Потом был хлеб с солью, банкет с громогласной тамадой, нелепыми конкурсами, традиционными выкриками, от которых с каждым разом всё больше горчило во рту, и огромный торт с мастерски выполненными фигурками на верхушке.

К нему молодожёны подошли почти сразу – рука в руке с ножом. И я запечатлела первое, острое дело совместной жизни. Надо же, никогда не замечала: они, все они начинают супружество с разрезания, не с созидания. Завтра, быть может, это покажется мне бредом, но сегодня символичность действия пугала. Я чувствовала себя этим тортом, который распарывали на части. Муж и жена накормили друг друга, отметив начало сладкой жизни. Потом родителей и гостей.

На этом мои мучения закончились. Я с трудом отвертелась от настойчивого приглашения выпить за счастье молодых, вышла на воздух и поняла, что все эти шесть часов задыхалась. Никогда ещё воздух не был таким свежим.

2

Когда вечером я, мёртвая, пустая, как засвеченная плёнка, вернулась в студию, чтобы переслать Лене снимки для обработки, Вероника заполняла таблицу.

– Ты знала?

– Что?

Я подошла к заваленному бумагами, рекламными листовками и визитками столу и посмотрела на неё в упор.

– Ты знала?

– Да. Знала, – Ника взяла новый документ.

– Ты понимаешь, что случилось? – она продолжала печатать, будто ничего особенного не произошло. – Понимаешь, что мне пришлось пережить?

Вероника вскинулась, как всегда, когда была не права.

– Не делай меня виноватой. Про Кирилла ты рано или

поздно узнала бы. Я думаю, лучше рано. Считай это шоковой терапией.

– Почему ты не сказала? Почему довела до такого?

– А ты бы поверила моим словам? Он ведь для тебя – идеал. Как там? «Мы на одной волне – оба постоянно в разъездах». Я собиралась тебе рассказать с фотографиями на руках. Но Лена заболела, и я решила, лучше, если ты увидишь всё своими глазами.

– Ты не понимаешь... Правда, не понимаешь. Я не знала, что ты можешь быть настолько жестока. Ты сегодня убила меня. И моё доверие, – Вероника молчала, поджав губы. – Лена, если захочет, пусть продолжает работать с тобой, а я не смогу. Просто не смогу.

С этими словами я вынула флешку из фотоаппарата, бросила на стол и ушла. По дороге домой вырубил телефон, который настойчиво просил ответить. Звонила Лена. Но мне было страшно услышать, что и она знала.

Когда я зашла в подъезд и поднялась наверх, то очутилась в полной темноте. Снизу лампочку давно выкрутили и арендаторы не спешили покупать, а на моём этаже она перегорела. Как моя жизнь. Открывать замки мне пришлось, под-

свечивая отверстия смартфоном. Пару раз я роняла ключи. Руки тряслись. Хотелось разбить что-то, но у меня только телефон да сумка с техникой – Nikon, прошедший со мной огонь и воду, было откровенно жалко. А смартфон служил фонариком, это его и спасло.

Спустя несколько минут я вошла в уже не нашу квартиру и первым делом собрала все его вещи. Получилось двенадцать пакетов, которые я, не откладывая, спустила в мусоропровод. Потом распахнула окна настежь. Но ночь была тёплой, и выгнать присутствие теперь абсолютно чужого мне человека не получалось. Я ощущала его в кресле, на рукояти ножа, на кровати... практически везде.

Везде, кроме компьютерного стола – единственного места в доме, куда доступ ему был закрыт. Я забралась с ногами на скрипящий стул и закуталась в мамину шаль. Меня морозило.

Слёз не было. Только мысли и воспоминания, которые шли по кругу. Знаки, которых я не замечала, его отлучки, чтобы позвонить важному клиенту, постоянные командировки и страшный сегодняшний день. Кирилл ведь и дальше собирался жить на два дома. Если бы я не узнала...

После тысячного оборота рвущих сердце кадров в голове

созрело решение.

Остаться здесь, в этой квартире, в этом городе, я больше не смогу. Гулять по улицам и вспоминать, как фотографировала там их, обнимающихся, счастливых... Жить в месте, где каждая вещь – воспоминание. Нет. Это самоубийство. Какие-то крохи самоуважения и самосохранения у меня ещё остались.

Я залезла на сайт вакансий и отправила резюме с портфолио по десяткам компаний: фотостудии, модные журналы... В крупные города страны и столицу. Лишь бы подальше отсюда.

Лихорадочность перешла в драйв, который сменился упадком сил, когда письма были разосланы.

Я заварила себе ромашкового чая. Меня всё ещё колотило. Кухня в электрическом свете казалась чужой, тёплый молочный цвет – серым. Выбранная с любовью техника молчала, я провела пальцами по плите, прощаясь. Она мне больше не пригодится. Мне нравилось экспериментировать, придумывать новые блюда, особенно выпечку, правда, с моим графиком, это удавалось редко. Не знаю, когда снова появится желание... Готовить теперь незачем, не для кого.

Зачем я вообще стала фотографировать этот фарс? Поче-

му просто не подошла и не дала ему пощёчину? Репутация меня волновала? Репутация чего? Фирмы? Это всё отговорки. Испугалась толпы? Прилюдного позора? Что получится неудобная ситуация? Она и получилась – ужасающе неудобная. Для меня. Смотреть на них, пытаться себя минута за минутой... Где был мой разум?

Я мотнула головой, вернулась в комнату и водрузилась на стул. Пора заканчивать с этими мыслями. Когда-нибудь я смогу всё обдумать без боли, но сейчас это разрушит меня и мою трещавшую по швам самооценку. Несколько раз уже пыталась сравнивать себя с ней, и счёт был не в мою пользу. Хватит. Я собрала все тёмные мысли, все болезненные воспоминания и заперла под замок, в самой тёмной кладовой своего сознания. Только тогда тиски, сжимавшие сердце, немного разжались.

Приближалось утро. Наблюдая за окном плавную смену цвета, я не заметила, как заснула.

Разбудил меня сигнал сообщения – пришёл ответ от редакции Fashion Life, столичного журнала, они предлагали стажировку. Нехудший вариант. Я тут же отписалась, сообщив, что приеду сегодня, и купила билет на самолёт.

Сбор вещей и хлопоты с квартирой отняли не много вре-

мени. Животных и цветов у меня не было – работа фотографа чревата внезапными выездами, иногда на несколько дней. Все попытки озеленения проваливались – даже кактусы у меня не выживали.

Я спустилась в салон связи, располагавшийся в торце дома, и купила новую симку. Лето – жаркая пора, заявок много. Объяснять раз за разом клиентам, почему съёмки не состоятся... На это у меня не было сил. А недоделанных заказов, слава богу, не осталось. Возвращаясь назад, в квартиру, я поразилась, как легко отказывалась от всех наработок. Ничего, девчонки справятся. Разговаривать с Леной, а тем более с Вероникой я пока не могла. Не знаю, смогу ли когда-нибудь.

Убрав квартиру, я позвонила брату, он с женой и ребёнком снимал студию неподалёку. Не вдаваясь в подробности, сообщила про отъезд и расставание с Кириллом.

– Начистить ему морду? – брат, как всегда, был на моей стороне.

– Не стоит мараться.

Я отдала ему ключи, отрезав себе пути к отступлению, без сожаления захлопнула дверь и к такси спустилась спокойная,

как удав.

Перелёта почти не запомнила. Листала журналы, что-то читала, пыталась есть, но вкуса не ощущала – будто пластик жевала. Мир выгорел, покрылся сепией. Оцепенение разбило робкое прикосновение маленькой девочки, мячик которой закатился под моё кресло. Его яркий, алый цвет вернул краски блёклому миру. Я отдала беглеца хозяйке и получила в награду счастливую, искреннюю улыбку.

Улыбнуться в ответ не смогла, но по крайней мере снова почувствовала себя живой.

3

В аэропорту меня встречали.

– Вы Анна?

Ко мне подошёл лысый мужчина средних лет в пиджаке модного в этом сезоне тёплого жёлтого оттенка на голое тело, серых брюках и элегантных очках с тонкой многоугольной оправой.

– Да.

– Я сразу понял, – он оглядел меня с ног до головы. – По вашей походке. Меня зовут Антонио. Можно просто Тони. Я пиар-менеджер журнала Fashion Life.

Вот это отношение к персоналу. Признаться, к такому я была не готова.

– Путешествуете налегке?

«Просто Тони» кивнул на мой багаж, состоявший из сумки с техникой и небольшого чемодана.

– Не люблю избытка вещей.

– Видно опыт и серьёзный подход, – сказал он и подмигнул. – А этот образ выше всяких похвал. Понимаю-понимаю. Иначе пришлось бы отбиваться от поклонников весь перелёт.

О чём он? Льстит, чтобы выстроить отношения? Что тут можно ответить... Оставалось только загадочно улыбнуться.

– Готовы к съёмкам?

– Прямо так? Сразу?

– На отдых, к сожалению, времени нет. Едем.

Он подцепил меня под ручку и повлёк к выходу. А я спешно оценивала своё оборудование. Аккумулятор разряжен, но пара запасных в наличии (всегда предпочитала перестраховаться), объективы в порядке, чистые флешки есть. А если съёмка на привязи? Кабель с держателем взяла. Да, взяла. Своему Никону я изменять не собиралась.

– Где будет съёмка?

– В нашей студии. Всё уже готово. Ждём только вас.

В его взгляде не было ни малейшего сомнения.

Это тест такой? Проверка профессионализма нового стажёра? Прямо с корабля на бал? Что ж, я тоже готова.

Нет-нет, не готова.

Особенно к маске на лице и болтливой маникюрше, которая вываливала и вываливала на меня все подробности своей жизни, не давая вставить ни слова.

Тони привёз меня к высокому зданию из стекла и бетона, на котором гордо красовалось Fashion Life, и передал в заботливые руки «своих девочек». Они сразу же взяли меня в оборот.

Усаживаясь в мягкое кресло у большого, подсвеченного софитами зеркала, я задавалась вопросами. Это всегда так в столичных журналах? Персонал тоже должен соответствовать высокому уровню?

Серьёзные сомнения начали закрадываться во время профессионального визажа и укладки. Но мастера так сурово выглядели и так сосредоточенно работали, что с духом я собралась только к концу процедур, когда мне докрашивали

губы.

Строгая визажистка рявкнула:

– Молчать!

И я больше не решилась с ней заговорить.

Когда на мне застегнули платье с воланами и босоножки на высоченном каблучке, интуиция завопила во весь голос.

Я поймала пробежавшего мимо Тони за полу пиджака.

– Вы уверены, что всё в порядке?

– В полнейшем, дорогуша. Ты великолепна. Скоро начнём, готовься.

– А где моя сумка?

– Она тебе не пригодится. Заберёшь после съёмки.

Это испытание такое? Фотографировать с незнакомой техники в таком виде? Кто знает, как у них тут принято? Я уже ничего не понимала.

В ожидании съёмки подошла к зеркалу и почти не узнала себя. Из-за работы мне чаще всего приходилось носить джинсы с топом или кофтой – попробуй фотографировать лежа на земле в платье. Волосы я обычно собирала в хвост, а если съёмка была на улице – надевала бейсболку. Тут же на меня смотрела женщина. Яркая, эффектная. Отражение мне нравилось. Такой я себя ещё не видела – легко смогу затеряться среди моделей. Локоны, разбросанные в естественном беспорядке, макияж с акцентом на глаза – они стали ещё больше. Влажные губы, на которых задерживался взгляд. Сияющая кожа – результат маски, не иначе. Платье из розовой невесомой ткани подчёркивало фигуру, а вычурные босоножки делали мои ноги ещё длиннее. Хоть сейчас на подиум.

– Пора! – Тони вернулся и повёл меня к узкой двери. – Входи.

Я оказалась под ярким светом на белом фоне.

– Алекс, дорогуша, можно начинать. Она вся твоя.

Меня собирались фотографировать.

Щелчок. Я вздрогнула.

– Идеально! Чуть наклони голову. Давай, ещё больше шока.

Мои глаза расширились. Передо мной стоял он – Александр Витале, легенда, человек, работы которого я собирала и к чьему мастерству вот уже десять лет стремилась приблизиться. После громкого расставания с возлюбленной, музой, как называли Лауру Лити в прессе, пять лет назад, редко у кого получалось уговорить «золотого фотографа» на съёмку. Удивительно, как Fashion Life это удалось. Все работы Витале становились безумно популярны и гарантировали успех.

У меня был один его автопортрет, вырезка из французского журнала, которая висела в студии над моим столом. Лицо на чёрно-белой бумаге впечатляло всегда, но сейчас, живую оно просто потрясло. Скуластое, словно высечено из камня. Но глаза тёплые, карие, цепкие. Белая футболка подчёркивала рельефность торса и сильные руки. Завершали casual-образ синие джинсы и белые кеды, насколько я поняла по немногим интервью, он всегда был неприхотлив в

одежде. Короткая стрижка и усы с эспаньолкой, в которых только-только пробивалась седина, делали его облик ещё более мужественным.

– Отлично! Теперь неверие.

Я опустилась на стул и спрятала лицо в ладонях. Не может быть. Меня с кем-то спутали. Мне всё это кажется, из-за стресса. Витале тоже кажется. Ведь я привыкла спрашивать совета у его бумажной копии, если что-то не получалось. Это просто отсутствие нормального сна, мало ли что привидится. Я ещё раз подняла глаза на Александра и со всей силы ущипнула себя. Ой! Больно. Это правда. Это всё правда.

– Хорошо. Умница. Смени позу.

Я повернулась, пытаюсь оглядеться, всё ещё надеюсь, что это сон. Но люди, вся техника, эти софт-боксы вокруг были настоящими.

Что делать? Что мне делать?

Где-то там, за границей света, шептались.

– Как играет. Как быстро меняет образ. Сразу видно – профи.

Они ошибаются, я не модель и не профи. Но переубедить их вот так просто – не получится. А если хочу продолжать тут работать, с самим Витале, лучше доделать всё до конца, не прерывать процесс. И уже потом наедине с Тони объясниться, не выставляя себя тут на позор перед всеми.

Господи, почему такое случается только со мной?

Я впервые оказалась по ту сторону камеры на настоящей фотосессии, забавы с девчонками не в счёт. Нужно постараться.

– Отлично! Теперь страдание. Ну же.

Александр требовательно посмотрел на меня. Я не знала, как быть, и попыталась что-то изобразить. Мои вялые потуги его не впечатлили, я почти сразу услышала:

– Стоп. Так не пойдёт, – он приблизился ко мне, держа свой Nikon в руках. – Постарайся вспомнить самую страшную боль, которую тебе причинили.

Я мотала головой. Нет, не хочу. Не сейчас. Нет. Что делать? Что же делать?..

Витале продолжал давить.

– Тебя не приняли в модельное агентство. Не годится. Ты проиграла в конкурсе. Назвали уродиной. Тебя подставили.

Он ждал от меня малейшего отклика. А я продолжала мотать головой и смотреть в пол. Абсолютно белый, как кеды Александра.

– Ты только что рассталась с парнем, которого любишь.

Я вздрогнула. Он подобрал ключ от моей дверцы. Странно было бы, если бы не подобрал. Недаром Витале называют лучшим. Каждое его следующее слово стягивало пластырь с раны. Рывками, обнажая кровоточащее мессиво.

– Давай выплесни все чувства! Не сдерживайся. Мне нужно всё. Ну же. Он предал тебя. Заставил смотреть, как обнимает другую... Как целует её...

Сначала на глазах появились слёзы, потом они превратились в плач, наконец, ноги перестали держать страдающую душу, запертую в теле. Я рухнула на пол и зарыдала в голос.

– Почему? Почему? – шептали губы. – Я не понимаю, почему он это сделал.

Картины мелькали передо мной. Свадьба. Опущенный взгляд нашкодившего кота. За что? За что он так со мной? Я заново переживала всё. Руки вцепились в платье. Меня колотило. Я ощущала себя такой слепой и такой грязной под этим мигающим светом.

Щёлкали вспышки. А потом перестали.

Тишина. Я рыдала в тишине, пока кто-то не положил руку на моё плечо.

Я подняла глаза.

Александр.

Он смотрел на меня прямо. В его взгляде не было ни капли презрения к обманутой женщине. Только восхищение.

– Всё будет хорошо, – он сжал плечо. – Не нужен тебе идиот, который не понимает своего счастья. Ты прекрасна. И ты достойна лучшего.

– Правда? – это всё, что я смогла сказать сквозь слёзы.

– Правда, – тепло его голоса окутывало меня и дарило утешение. – Всё будет хорошо. Вот увидишь.

Я смотрела на Александра. Мне захотелось поверить человеку, которого так уважала. И я поверила.

Щелчок.

– Мы закончили, – Витале обернулся к Тони, а потом протянул мне руку. – Вставай. Ты молодец. Воды. Принесите воды.

Мне вручили полный стакан. Пальцы дрожали, я пролила половину. Тони прыгал вокруг меня, прижимал к сердцу руки, разливаясь соловьём и расхваливая. По его словам, новый фотопроект «Освобождение от боли» ждал невероятный успех. Весь тираж журнала сразу же раскупят, а в соцсетях взорвётся сверхновая. Моё лицо на обложке будет сенсацией.

Наконец, пиар-менеджер выдохся и оставил меня. Я захотела уйти. Объяснюсь завтра. Не могу тут больше находиться.

Съёмочная группа сгрудилась у компьютера, комментируя отснятые фотографии и планируя макет. Я тихонько проскользнула к выходу и уже открыла дверь, когда высокая девушка в точно таком же розовом платье преградила дорогу.

Она отодвинула меня в сторону, прошла в круг света и произнесла:

– Извините за задержку. Я Анна Ламан.

Тони упал в обморок. Оставить его я не смогла. Вот и пригодилась вода.

Пиар-менеджер медленно приходил в себя. Я махала перед ним свежим выпуском журнала и пыталась объяснить. Получалось невнятно и скомканно.

– Меня тоже зовут Анна. Я ваш новый фотограф. На стажировке, – и третья моя попытка не увенчалась успехом.

На заднем плане раздавались щелчки. Александр снимал настоящую модель, которая была счастлива от внимания Художника. Это чувствовалось в каждом её движении, в каждой позе.

Пока Тони отходил от стресса, я наблюдала за работой профессионала. Напряжение сквозило в воздухе. Витале подчинял себе модель, заставляя повиноваться малейшим желанием. Даже если я не останусь работать здесь, встретить такого мастера лицом к лицу и увидеть процесс рождения шедевра уже удача.

Александр вёл Анну дорогой очищающих слёз, которая для меня закончилась.

В душе словно отгремела гроза. Внутри было чисто, светло и тихо. Давно не ощущала себя настолько цельной.

Кирилл остался где-то далеко, в прошлом. В моих слезах растворились последние связывавшие нас чувства. И поступок Вероники уже не казался таким чудовищным, как вчера.

Анна расплакалась, размазывая тушь по лицу. Задумавшись, я не услышала, какую боль Витале вытащил на свет. Но порадовалась за неё – она тоже от чего-то освободилась. Перед последним кадром ей поправляли макияж. Суровая визажистка квохтала над «бедной девочкой», грозила наказать обидчиков и подсовывала всхлипывающей модели бумажные платочки.

Я перевела взгляд на Александра. Он регулировал настройки камеры. Что-то почувствовав, поднял глаза – посмотрел на всё ещё лежавшего на моих коленях Тони, потом на меня и улыбнулся так заразительно, что я не смогла сдержаться – улыбнулась в ответ. И в этом было что-то очень правильное.

Время давно перевалило за полночь. В студии остались только дизайнер, Тони и Александр, которые отсматривали снимки. Вёрстка макета с Анной Ламан была уже готова. Но для главного редактора они решили сделать ещё одну версию проекта – на выбор. Провозились всю ночь и под утро оценивали результат.

С обложки смотрела она. Расслабленная, спокойная. Её глубокий взгляд очаровывал, приковывал к себе.

– А ничего так получилось, да? – Тони снял очки, отошёл на несколько шагов и наклонил голову, рассматривая всю подборку на огромном настенном экране. – Удачный фотосет. Глаз не отвести.

Александр прикоснулся к слезе, застывшей на щеке, словно пытаясь стереть, и сказал:

– Звони ей, пригласи на следующую съёмку. Я наконец-то нашёл её. Свою музу.